

новном булочки. На жите-бытьё уходит немного. Ну, книг подкупила (не тех, что в сумках таскала, — других). Ну, съездила наконец-то по Золотому кольцу, посмотрела Суздаль с Владимиром. А дальше? На другое как-то фантазии не хватало. Решила: пусть себе лежат в банке, Кузбассу помогают, да еще и проценты хорошие идут. Вот наберётся побольше — ещё и за границу съезжу.

Но тут наметились явные расхождения с моим наставником. Виль Григорьевич всячески призывал деньги из банка взять, все новые банки обзывать пирамидами и страшал, что все они не сегодня-завтра рухнут. На моё упорное «Но ведь сам губернатор»... — он выразительно смотрел и только повторял: «Я тебя предупредил». Но мы, миллионеры, народ настырный, у нас — свой расклад. Я не вняла. Как известно, рудинское пророчество сбылось. Банки рухнули, любимый губернатором — тоже. От моих миллионов не осталось и копейки. Мое короткое пребывание в стане миллионеров закончилось. И больше уж никогда не повторится. Увы, Вилия Григорьевича уже нет, и назначить меня миллионером некому.

Любовь СКОРИК

СВЕЧА ПИСАТЕЛЯ ВИЛЯ РУДИНА

Однажды Лев Толстой, уже будучи в зените своей славы, пожаловался другу Николаю Лескову: мол, известно мне стало писать про людей, которых не было и которые ничего такого не делали, что я им приписал (проще говоря, сочинительствовать, «брать из головы»).

Знал ли Виль Григорьевич об этой странной «жаlobe» классика, за плечами которого были уже и «Анна Каренина», и «Воскресение», и «Казаки»? Не знаю. Но сам он писал, исключительно опираясь строго на документ, на факт, на историческое свидетельство. То есть писал о реальных людях и реальных событиях. Таковы почти все романы — от первого «День Икс» до

последнего «Три года дьявольщины» в двух книгах («Земной круг», 1996 г. и «Волею небес», 2004 г., последняя книга уже посмертная).

Роман «Три года дьявольщины», кстати, стал и лучшей работой писателя, именно в нем документальность крепко сливается с остросюжетностью и добротной художественностью.

Хочется подчеркнуть, что начинал писатель-документалист в те приснопамятные нам времена, когда фальсификация истории (особенно советского периода) была возведена в ранг государственной политики. И когда «добыть» какой-то серьезный архивный документ было равносильно подвигу.

В жизни Виль Григорьевич был непоколебимым оптимистом. Помню, он любил «цитировать» крылатое выражение: «Лучше зажечь одну-единственную свечу, чем проклинать темноту». И сам следовал этому правилу всю свою творческую жизнь.

Свидетельство тому, что писатель Виль Рудин зажег свою свечу и она горит — это его замечательные книги, которые он оставил нам с вами.

Владимир МАЗАЕВ

Виль Рудин среди писателей. Слева направо: В. М. Баянов, В. В. Махалов, В. Г. Рудин, А. Н. Волошин.